

Взаимоотношения генералитета Добровольческой армии и Всевеликого Войска Донского в период Гражданской войны

Александр Пученков

В последнее время историки всё чаще размышляют о трагедии казачества, столь смело описанной ещё М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон». Так, по словам С.А. Щербинина, в годы Гражданской войны «казаки ничего не имели против идей советского режима и в какой-то мере разделяли стремление крестьянства к установлению казацко-мужичьего царства, но в то же время их не устраивала практическая политика большевиков, направленная на расказачивание и ликвидацию привилегий казаков как особого социального сословия», и «отсюда проистекали колебания казачества между двумя военно-политическими лагерями в гражданской войне»¹. Заметно влияли на них и взаимоотношения казачьих властей с белой администрацией, порою носившие, как отмечают исследователи, ярко выраженный конфликтный характер². О претензиях атамана Всевеликого Войска Донского П.Н. Краснова и командующего Добровольческой армией А.И. Деникина на лидерство в антибольшевистском движении на Юге России говорилось ещё в «Истории гражданской войны в СССР», где утверждалось, однако, что соперничество не мешало «им действовать согласованно в борьбе против Советской власти»³. Между тем, как справедливо указывает В.Б. Лобанов, личностный фактор и нежелание белых вождей поступиться честолюбием имели в Гражданской войне огромное значение⁴. О том, что взаимная личная неприязнь Краснова и Деникина во многом затруднила «консолидацию белых сил в регионе», пишет в своей фундаментальной монографии и Р.Г. Гагкуев⁵. При столкновении

© 2013 г. А.С. Пученков

¹ Щербинин С.А. Становление большевистской власти на Дону и Кубано-Черноморье и её общественное восприятие. Славянск-на-Кубани, 2006. С. 33–34. См. также: Футорянский Л.И. Казачество России в огне Гражданской войны (1918–1920 гг.). Оренбург, 2003. С. 462–463; Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2007. С. 434. По обоснованному наблюдению Д.А. Сафонова, изначально казачество из-за всех сил старалось уклониться от участия в Гражданской войне, однако «нейтралитет казаков не устраивал никого» (Сафонов Д.А. Казачество в революции и гражданской войне 1917–1922 годов // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 403–413).

² Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 115–146; Пученков А.С. Конеч Кулабухова, или рассказ об одном повешенном // Родина. 2008. № 3. С. 41–44.

³ История Гражданской войны в СССР. Т. III. М., 1958. С. 420. Схожие мысли высказывал и донской историк: Хмелевский К.А. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – март 1919 года). Ростов н/Д, 1965. С. 73. Подробнее о взаимоотношениях Всевеликого Войска Донского и Добровольческой армии см.: Венков А.В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918 год. М., 2008.

⁴ Лобанов В.Б. Власть, общество и оппозиция на Юге России во время Гражданской войны // Общество и власть. Ч. 1. СПб., 2001. С. 183.

⁵ Гагкуев Р.Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012. С. 145.

региональных и всероссийских интересов неспособность белогвардейской администрации (и прежде всего Деникина) найти компромисс с войсковой властью и местными законодательными органами сыграла роковую роль в поражении Белого движения, поскольку именно казачество придавало ему массовый характер⁶. Всё это заставляет внимательнее всматриваться в «истории генералов».

Юг России славился своими казачьими традициями, и хотя на Дону атаман давно уже «назначали» из центра, мечты о полной независимости всё ещё жили в казачьих станицах. В июне 1917 г. был вновь избран донской атаман – генерал от кавалерии А.М. Каледин, после Октябрьского переворота провозгласивший отделение Дона от большевистской России и сформировавший антисоветское правительство. Однако подавить местных большевиков он смог лишь с помощью добровольцев, в ноябре 1917 г. начавших формировать свою армию на Дону. После одержанной в Ростове победы Добровольческая армия была «легализована», а имя Каледина стало в один ряд с именами М.В. Алексеева и Л.Г. Корнилова. Впрочем, донские и добровольческие части были по-прежнему малочисленны, а казаки, возвращавшиеся с фронта, не желали участвовать в разворачивавшейся Гражданской войне. В результате, когда вскоре началось планомерное наступление советских войск, Каледин, не видя выхода из сложившейся ситуации, 29 января (11 февраля) 1918 г. застрелился, а 9(22) февраля 1918 г. добровольцы, не найдя на Дону необходимой поддержки, двинулись в знаменитый Ледяной поход на Кубань. Не сумев взять Екатеринодар, армия, которую после гибели Корнилова возглавил Деникин, ушла, казалось бы, в никуда – обратно на Дон, где тогда ещё держалась Советская власть (первым делом её представители расстреляли вновь избранного атамана А.М. Назарова). В этой практически безнадёжной обстановке фортуна повернулась к белым лицом: на Дону практически повсеместно вспыхнули восстания, вызванные антиказачьей политикой большевиков и начавшимся весной переделом земли.

Возвратившаяся на Дон Добровольческая армия и отряд русских добровольцев Румынского фронта под командованием полковника М.Г. Дроздовского помогли казакам, которые нуждались тогда в них в той же степени, в какой и бесприютные добровольцы – в казачьей помощи⁷. В то же время Дон и белое командование стремились к достижению принципиально разных целей: деникинцы воевали за воссоздание «Великой, Единой и Неделимой России», в то время как донцы в первую очередь думали о спокойствии своего родного края и не желали выходить за его пределы.

3 мая 1918 г. в Новочеркасске Круг спасения Дона большинством голосов избрал атаманом генерал-лейтенанта П.Н. Краснова, обещавшего казакам то, что они и хотели от него услышать: устройство местных дел, отказ от участия в общерусской гражданской войне, мир с немцами, оккупировавшими огромные территории бывшей Российской империи (включая и часть Донской области), «привольную» самостоятельную жизнь со своим казачьим кругом и атаманом⁸.

⁶ Подробнее см.: *Цветков В.Ж.* Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2008. С. 212–235.

⁷ *Лобанов В.Б.* Добровольческая армия на Северном Кавказе (ноябрь 1917 – май 1919). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 15.

⁸ *Каклюгин К.* Донской атаман П.Н. Краснов и его время // *Донская летопись.* № 3. Белград, 1924. С. 69–71.

Над атаманским дворцом реял сине-жёлто-красный донской флаг⁹, имелись у донцов и все другие атрибуты государственности. Человек светский, прекрасно образованный, способный политик, талантливый военный и литератор, деятельный администратор и неутомимый работник Краснов знал цену себе и своему «государству»¹⁰. Но в какой-то мере ему удалось сделать из Дона некий островок стабильности, и для донских обывателей управление Краснова было «временем радостных надежд»¹¹.

Провозгласив принцип «Дон – для донцов», атаман противопоставлял большевизму шовинизм, а интернационализму – ярый казачий национализм. Помня печальный опыт Каледина, Краснов делал ставку именно на казаков и не пытался объединить их с «иногородними». Напротив, он разжигал опасения казачества за землю и утверждал, что «война с большевиками на Дону имела характер уже не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной», в которой «казаки отстаивали свои казачьи права от русских»¹². В известной мере это могло способствовать сплочению Всевеликого Войска Донского и усилению атаманской власти¹³. Впрочем, сам Краснов не был казачьим националистом и в своей политике исходил из чисто практических соображений: «Россия теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежит в обломках. Можно сказать – нет России. Дон стал совершенно одинок. Ему нужно – впредь до восстановления России – стать самостоятельным Государством, завести свою казну, своих управляющих министерствами для того, чтобы каждый отдел народной жизни имел своего ответственного руководителя и ни в чём не было бы ущерба»¹⁴. Но это не мешало ему говорить об исторической миссии Дона спасти Москву и о необходимости тесного сотрудничества с Добровольческой армией и Украиной гетмана П.П. Скоропадского¹⁵. Выступая перед донцами, Пётр Николаевич весьма прагматично высказался об отношениях с немцами: «Воевать с ними казаки не могут, им остаётся постараться мирным путём удалить их с Донской земли». Такая позиция вполне совпадала с мнениями членов Круга¹⁶. Полагая, что Россия должна спасти себя сама, атаман видел в немцах врагов, у которых можно просить, поскольку они желают мириться. Когда же пришли союзники, то на них он «смотрел, как на должников перед Россией и Доном, и считал, что они обязаны вернуть свой долг, и с них нужно требовать»¹⁷.

Цени роль, сыгранную Дроздовским при освобождении Новочеркасска¹⁸, Краснов предлагал ему не присоединяться к Деникину, а остаться в донской

⁹ В своих воспоминаниях Краснов передаёт весьма примечательное обращение к нему депутации казачества: «Господин атаман! У нас к Вам просьба. Всего войска, всех казаков... От этого... Судьбы Дона... Ваша жизнь... Не надо красного флага... Они нас покинули... С кем они идут?... Разве с царём?... Нам их республики не надо... Придумайте свой флаг, казачий... Ну только, чтобы не красный и не Русский». (*Краснов П.Н.* Казачья «самостийность» // *Двуглавый орёл*. Вып. 25. Берлин, 1922. С. 22.).

¹⁰ *Калинин И.* Русская Вандея. М.; Л., 1926. С. 51.

¹¹ Дом Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына, ф. 1, А-51, л. 12.

¹² *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское // *Архив русской революции*. Т. V. М., 1991. С. 221.

¹³ *Каклюгин К.* Указ. соч. С. 73.

¹⁴ Там же. С. 70.

¹⁵ *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 193.

¹⁶ *Каклюгин К.* Указ. соч. С. 70.

¹⁷ *Краснов П.Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 221.

¹⁸ *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне. Л., 1991. С. 22.

столице и начать формирование новой антибольшевистской армии¹⁹. Наличие у Дроздовского щедро снабжаемой и высокопрофессиональной агентуры позволяло надеяться на пополнение его войск достаточным количеством добровольцев. Тем не менее честолюбивый, обладавший исключительной харизмой вождя, но до щепетильности порядочный Дроздовский не изменил своего намерения объединить усилия с обескровленной и требовавшей пополнения Добровольческой армией, в которой после Ледяного похода насчитывалось около 5 тыс. человек²⁰. 27 мая 1918 г. он присоединил к ней свой отряд (3 тыс. человек), в полтора раза увеличив численность её бойцов, влив в неё свежие жизненные соки и придав ей утраченный было порыв²¹. Высокое моральное состояние дроздовцев внушало уверенность в благополучном продолжении борьбы с большевиками²². Оказав добровольцам армии услугу, Михаил Гордеевич по справедливости мог рассчитывать на самый восторженный приём. Однако его отношения с генералитетом и особенно с начальником штаба командующего Добровольческой армии генерал-майором И.П. Романовским не сложились.

Взаимодействие генералов с донским атаманом также налаживалось не просто. 15 мая 1918 г. во время встречи в станице Манычская Деникину и Краснову так и не удалось договориться о едином командовании. «Тильзит», как прозвали совещание в Манычской добровольцы²³, лишь выявил различие взглядов Антона Ивановича и Петра Николаевича. Краснов доказывал, что «пока Царицын в руках большевиков – до тех пор постоянная опасность будет угрожать и Дону, и Добровольческой армии»²⁴. По-видимому, атамана беспокоило пребывание старавшейся быть независимой от кого бы то ни было деникинской армии в пределах Всевеликого Войска Донского, и он пытался двинуть её на Царицын²⁵. Однако командующий Добровольческой армии не соглашался атаковать Царицын даже при подчинении ему донцов, поскольку был связан обещанием прежде освободить от большевиков кубанцев и рассматривал освобождение Царицына лишь как очередную задачу Белого движения²⁶. Кроме того, Деникин и Алексеев прекрасно осознавали трудность предложенного Красновым пути. «Генерал Краснов, беря начальствующий тон по отношению к армии, указывает ей путь – скорее берите Царицын, но Дроздовского я удержу в Новочеркасске до “создания регулярной Донской армии” – писал Алексеев П.Н. Милокову. – Цель – сунуть нас в непосильное предприятие, на пути к выполнению которого мы можем столкнуться с немцами, избавиться от нас на Дону и доказать немцам, какой он “паичка”. Своей армии он не способен создать, ибо он ещё временный хозяин, да и подготовки для этого нет. Мы ему нужны, но он балансирует между страшным немцем и пока слабой Добровольческой армией. Личность Краснова сыграет отрицательную роль и в судьбах

¹⁹ Как заявил атаман представителю Добровольческой армии при Всевеликом Войске Донском генерал-майору В.Н. Кислякову, в случае ухода дроздовцев «ему не на что будет опираться». Какое-то время Краснов рассчитывал добиться от Деникина согласия на оставления отряда Дроздовского на Дону (РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 42).

²⁰ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 259, л. 87; *Капустянский А.П.* Поход дроздовцев. М., 1993. С. 4.

²¹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 259, л. 88; *Колтышев П.В.* Поход дроздовцев Яссы–Дон. 1 200 вёрст. Воспоминания дроздовцев // Дроздовский и дроздовцы. М., 2006. С. 383.

²² ГА РФ, ф. Р-5895, оп. 1, д. 18, л. 3 об.

²³ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. М., 2003. С. 562.

²⁴ *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 75.

²⁵ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 60.

²⁶ Там же, д. 170, л. 4.

Дона, и в наших – он нас продаст, как продал Керенского в октябре и ноябре 1917-го года, под Петроградом. Мы должны предусматривать это и принимать меры»²⁷. Взаимное недоверие помешало генералам договориться, и их войска разошлись по двум противоположным направлениям: Донская армия под командованием С.В. Денисова повела своё наступление на Царицын, в то время как деникинцы 9 июня 1918 г. начали Второй Кубанский поход.

Вопрос о выборе оперативного направления действий Добровольческой армии летом 1918 г. всегда привлекал особое внимание историков. Именно тогда, летом 1918 г., решались судьбы Гражданской войны. Н.Н. Головин, размышляя о «проблеме Царицына», отмечал исключительное стратегическое значение этого города, где «создавался своего рода социально-революционный фокус для юго-востока России, который, по своему значению, может быть уподоблен только лишь Петрограду в начале революции»²⁸. Овладение Царицыным позволило бы объединить антибольшевистские силы на Дону и в Поволжье, и иные мемуаристы и историки даже упрекали Деникина, армия которого фактически на целый год завязла на Северном Кавказе, в том, что он упустил возможность освобождения России от большевиков. Однако не следует забывать, что его крайне немногочисленным войскам было очень сложно вести наступление против превосходящей группировки красных. Неизвестно также, как отреагировали бы на это немцы, являвшиеся в тот момент на Юге наиболее организованной и значительной силой.

Сказывалось и то, что вождям Добровольческой армии не удалось установить нормальные деловые отношения с Красновым. Атаман требовал, чтобы его признали представителем «пятимиллионного свободного народа»²⁹. Но Деникин воспринимал его как выскочку, сделавшего карьеру в революционное время. Не понимая, что прежние принципы субординации стали анахронизмом, Антон Иванович обращался с Красновым как со своим подчинённым³⁰. Переписка с ним велась в недопустимо резком тоне, что вызывало у атамана сильнейшее раздражение³¹. Между тем донцы и добровольцы нуждались друг в друге в равной степени, и претензии Деникина на руководство могли казаться несколько неадекватными.

Ориентация Краснова на Германию фактически исключала совместные операции двух противобольшевистских армий. Конечно, неизбежность его вынужденного сотрудничества с немцами была очевидна для добровольческого командования. Однако убеждение атамана в том, что Германия выйдет победительницей из мировой борьбы, и готовность официально признать Вильгельма II вершителем судеб России, правомочным решать её внутренние территориальные вопросы, вызывали у добровольцев отторжение³².

²⁷ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 714–715.

²⁸ Hoover institution archives (далее – НИА). Golovin N.N. collection. Box 2. P. 88, 91; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Т. II. М., 2011. С. 413. Автор статьи благодарит С. Машкевича за возможность познакомиться с рядом документов, хранящихся в Гуверовском и Бахметьевском архивах.

²⁹ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. С. 201.

³⁰ Поляков И.А. Донские казаки в борьбе с большевиками. Мюнхен, 1962. С. 248–249.

³¹ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 81.

³² ГА РФ, ф. Р-6422, оп. 1, д. 11, л. 33; Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. С. 75; Кручинин А.С. Белогвардейцы против оккупантов: из истории Добровольческой армии (1918) // Русский сборник: Исследования по истории России XIX–XX вв. Т. I. М., 2004. С. 198–199.

Сам Краснов не делал тайны из своего верноподданнически составленного письма германскому императору. По представлению Петра Николаевича оно было одобрено донским правительством и затем передано делегации во главе с атаманом Зимовой станицы, который собственноручно вручил его кайзеру³³. Русский гимн «Боже, царя храни» исполнялся в Новочеркасске немецким оркестром³⁴. Дон стал, как утверждалось в аналитической записке, составленной представителем донского правительства при германском командовании в Ростове-на-Дону полковником М.А. Измайловым, «фаворитом и баловнем германских “нянюшек”»³⁵. «Дружба» Краснова с немцами и доверие к нему германского командования постоянно вызывали упреки и даже оппозицию атаману³⁶. Подобное поведение, по мнению белых, дискредитировало саму идею возрождения России. Деникин позднее отмечал в одной из своих неопубликованных работ: «Ни тогда, во время вооружённой борьбы, ни теперь, когда это уже история, не обвиняли и не обвиняют генерала Краснова за то, что он в 1918 году признал Дон “не воюющей против Германии стороной”, воспользовался обеспечением немцами западных рубежей области и приобрел через их посредство военные запасы нашего бывшего Юго-Западного фронта. В тогдашнем положении Дона другого выхода не было. А силы и военно-политическое положение Германии вынуждали её удовлетвориться такого рода отношениями и экономическими выгодами своеобразного товарообмена – русских патронов на русский хлеб. Российская общественность ставила в вину атаману другое... В своих словах и действиях, не раз глубоко обидных для русского национального самолюбия, в своих отношениях к германцам он шёл гораздо дальше своего нейтралитета, становясь в вассальные отношения к Германии, исходя при этом из двух предпосылок, оказавшихся глубоко ошибочными, – предвидения победы немцев в мировой войне и возможности существования, хотя бы временного, самостоятельного “Донского государства”, среди бурной российской стихии, охватывавшей Дон со всех сторон»³⁷.

Совершенно неприемлемой и преступной выглядела в глазах белого командования попытка Петра Николаевича достичь соглашения с лидерами большевиков. Перепутав своего старого знакомого Я.Д. Юзefовича, одного из виднейших генералов белого Юга, со служившим у красных Ф.Д. Иозефовичем, он направил ему письмо, в котором спрашивал, «согласно ли Советское правительство вести переговоры с Донским атаманом генералом Красновым и если согласно, то каким путём и на каких основаниях». Письмо повёз в Москву есаул А.П. Падалкин, не имевший никаких полномочий, но встретившийся с Л.Д. Троцким, А.М. Коллонтай и В.И. Ульяновым (Лениным), проявившими интерес к цели его поездки, задававшими ему вопросы о положении на Дону и т.д. «От этого разговора с Лениным, – вспоминал Падалкин, – у меня получалось впечатление, что я нахожусь перед судом присяжных и допрашиваюсь прокурором». Поскольку есаул ни на что уполномочен не был, советские лиде-

³³ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 209, л. 8.

³⁴ Там же, ф. Р-446, оп. 2, д. 28, л. 17.

³⁵ Германская интервенция и Донское правительство в 1918 г. // Красный архив. 1934. Т. 6(67). С. 127.

³⁶ Каклюгин К.П. Указ. соч. С. 76.

³⁷ Bakhmeteff archive. Anton & Kseniia Denikin collection. Box 10. P. 38–39.

ры ему толком ничего и не сказали³⁸. И всё же, хотя переговоры так и не были открыты, Деникин знал об этой неудачной инициативе³⁹.

Не могли не настораживать белых и весьма доброжелательные и взаимовыгодные отношения Краснова и Скоропадского. Гетман писал атаману, что его «мечта – союз Украины с Доном сбылась», и, как он надеется, «этот союз будет прочным и будет способствовать счастью пострадавшей страны»⁴⁰. На Украине находился постоянный посол Дона генерал-майор (с сентября 1918 г. – генерал-лейтенант) А.В. Черячукин, всячески подчёркивавший свою лояльность гетману и Германии⁴¹.

Таким образом, Краснов с редким искусством балансировал между немцами, добровольцами, украинцами и большевиками. Но приоритетными для него в течение всего периода пребывания у власти оставались донские, региональные интересы, что явно не соответствовало провозглашённому белыми на юге лозунгу «Великой, Единой и Неделимой России». «На небольшом клочке освобождённой от большевиков русской земли двум началам, представленным с одной стороны ген. Красновым, с другой – ген. Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно, – вспоминал Деникин. – Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооружённых сил, и обе не могли принести в жертву свои убеждения и предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба – методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению вооружённых сил Юга – путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами – безразлично»⁴². В письме Шульгину 13 июня 1918 г. Деникин характеризовал политику Дона по отношению к Добровольческой армии как «двоедушную»⁴³. В другом письме, написанном уже в декабре 1918 г. генерал-майору Н.А. Степанову (военному министру правительства верховного правителя России адмирала А.В. Колчака), Антон Иванович сообщал: «С Доном отношения Добровольческой армии по внешности соседские – взаимная поддержка и помощь друг другу чем можно. По существу же политика атамана Краснова двойственна и преследует лично эгоистические интересы, что отражается на установлении полного единства и на проявлении союзниками необходимой спешности в оказании их содействия»⁴⁴.

Для Деникина красновская политика «была или слишком хитрой, или слишком беспринципной; во всяком случае для современников не вполне понятной». «Во всём, что он писал и говорил, – вспоминал о Краснове Деникин, – была одна чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда, в дни кровавой борьбы, приводила многих к полной невозможности отнестись

³⁸ ГА РФ, ф. Р-6469, оп. 1, д. 7, л. 156, 173–175, 195.

³⁹ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 40; Деникин А.И. История // Донская летопись. № 3. С. 363.

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 1, д. 209, л. 14.

⁴¹ Приём ген. Черячукина // Киевская мысль. 1918. 12(25) сентября.

⁴² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 513.

⁴³ ГА РФ, ф. Р-5974, оп. 1, д. 1246, л. 1.

⁴⁴ РГВА, ф. 40308, оп. 1, д. 22, л. 3.

с доверием к его деятельности»⁴⁵. Схожие черты отмечал у него и казачий генерал Н.В. Шинкаренко: «По моему глубочайшему убеждению, основанному на всём моём хоть и не близком знакомстве с Красновым, был Краснов человеком хитрым и хитрящим во всём... Хитрым и в то же время со склонностью фантазировать, сочетая вещи, весьма между собой различные»⁴⁶. Донской генерал М.А. Поликарпов указывал на хитрость Краснова, его непомерное честолюбие и уверенность в собственной непогрешимости, вкупе с «жаждой славы»⁴⁷. Ещё жёстче высказался в своё время атаман Каледин: «Склизкий он человек»⁴⁸. Именно эта хитрость и «склизкость» и была не по душе прямолинейному Деникину. Кроме того, командуя Добровольческой армией испытывал, видимо, и личную неприязнь к Петру Николаевичу. В свою очередь мнительный Краснов не доверял Деникину и Алексею, считая, что Добровольческая армия ведёт против него борьбу и оказывает покровительство его политическим врагам⁴⁹. Как писал в своих воспоминаниях полковник Л.Н. Новосильцев, являвшийся представителем Добровольческой армии при Всевеликом Войске Донском, «делу очень мешали личные счёты», поскольку «не верил Деникин – Краснову, а Краснов готов был подчиняться кому угодно, но только не Деникину»⁵⁰. Это не только препятствовало объединению антибольшевистских сил Юга России, но и вело к распространению аналогичных чувств в войсках, что пагубно сказывалось на боеспособности белых в 1918 г. Как вспоминал генерал-лейтенант А.К. Кельчевский, по убеждению добровольцев, донцы были «в союзе с немцами»⁵¹. Независимость Дона, «предавшего» союзников, верность которым всячески культивировалась в Екатеринодаре, вызывала у деникинцев ожесточение и неприязнь, что ярче всего выражалось в конфликтных в высшей степени отношениях штабов обеих армий⁵². По словам П.Н. Милокова, они были «чрезвычайно ненормальными»⁵³, Деникин называл их «поистине тяжёлыми». «Чтобы не терять душевного равновесия», Антон Иванович «с июня 1918 г. прекратил переписку с ген. Красновым», но «ген. Краснов продолжал писать моим помощникам, вызывая в них не раз своими письмами глубокое недоумение»⁵⁴.

В свою очередь и атаман жаловался на то, что Алексеев и Деникин не хотят его понять⁵⁵. В письме к председателю Особого совещания генералу от кавалерии А.М. Драгомирову он не скрывал серьёзной озабоченности тем, что между ним и Деникиным установились «крайне натянутые» отношения. «Неужели, Абрам Михайлович, – сетовал Пётр Николаевич, – там, где станет у власти несколько русских людей, между ними должны быть зависть и всякая интрига? Как это больно и грустно... Судите сами, Абрам Михайлович, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льём воду? Мы давно должны иметь единый

⁴⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 439.

⁴⁶ Центральный музей Вооружённых Сил. Документальный фонд. Ф. Собрание музея «Родина». Воспоминания генерала Н.В. Шинкаренко. Ч. II. Л. 83–85.

⁴⁷ ГА РФ, ф. Р-6458, оп. 1, д. 36, л. 12–13.

⁴⁸ Там же, ф. Р-5881, оп. 1, д. 209, л. 37.

⁴⁹ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 2.

⁵⁰ ГА РФ, ф. Р-6422, оп. 1, д. 12, л. 7.

⁵¹ Там же, ф. Р-6051, оп. 1, д. 3, л. 20.

⁵² Поляков И.А. Указ. соч. С. 263–264.

⁵³ Милоков П.Н. Россия на переломе. Т. 2. Париж, 1927. С. 64.

⁵⁴ Деникин А.И. История. С. 370.

⁵⁵ Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 2. С. 74.

фронт и вести операции совместно, а вместо этого мы кроме официальных сводок ничего не знаем... Скажите, нормальные это отношения? Стыдно, грустно и больно про всё это писать»⁵⁶. Алексею Краснов писал о своей надежде, что «в очень скором времени донцы снова начнут работать вместе с добровольцами на том пути, который ведёт их прямо к цели». «И в этом случае, – уверял он, – я лично не буду иметь [ничего против] того, чтобы подчинить весь мой северный фронт генералу Деникину. Что касается до того, что “говорят”, то на это обращать внимание не нужно... Есть специальная категория людей, которая хочет во чтобы то ни стало поссорить Донское войско с Добровольческой армией. Бог им судья»⁵⁷.

Однако дело было вовсе не в «специальной категории людей», и «разговоры» возникали не на пустом месте. Конфликты между добровольцами и донцами то и дело вспыхивали из-за самых разных причин. При этом они зачастую воспринимали друг друга не как участников общей борьбы, а скорее как «попутчиков»⁵⁸. Донцов не могло не раздражать постоянное подчёркивание «героизма» Добровольческой армии, якобы в одиночку боровшейся с большевиками, в то время как значение Дона как-то ступеньвалось. «Велики и грандиозны задачи Добровольческой армии, велика её помощь нам, но каково было бы её положение, если бы Дон не прикрывал её с севера своим могучим крылом!», – напоминал донской публицист⁵⁹.

В тылу, каковым стал Новочеркасск, перепалка между деникинцами и казаками иногда переходила все границы⁶⁰. Как писал позднее Краснов, подвыпившие добровольцы устраивали в городе «пьяные кутежи со скандалами и, наконец, пустили в присутствии волевого и энергичного командующего Донской армии генерала С.В. Денисова по адресу войска Донского “крылатое” слово – всевесёлое Войско Донское». Денисов стерпел обиду, но затем, отвечая на упреки в сношениях с Германией, заявил: «Но что же войску делать, немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, её населяющий, уходить от них, как то делает Добровольческая армия. Войско Донское не странствующие музыканты, как Добровольческая армия»⁶¹. О «странствующих музыкантах» немедленно донесли Деникину, который надолго запомнил это словцо и навсегда сохранил предубеждение против Денисова⁶². Когда донцы начали налаживать контакты с союзниками, в штабе Деникина говорили, что «Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит». Денисов, узнав об этом, отреагировал не менее жёстко: «Скажите Добровольческой армии, что если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот (т.е. сутенёр. – А.П.), пользующийся её заработком и живущий у неё на содержании»⁶³.

Денисов намекал на то, что, несмотря на имевшиеся трения, Добровольческая армия получала от Дона щедрую помощь снарядами и патронами. Донцы

⁵⁶ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 28, л. 143.

⁵⁷ Там же, л. 26.

⁵⁸ Зайцов А.А. 1918: Очерки по истории русской Гражданской войны. М., 2006. С. 196.

⁵⁹ Базикин П. Надо быть правдивыми // Часовой. Новочеркасск. 1918. 10 октября.

⁶⁰ РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 172, л. 58.

⁶¹ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. С. 205. Похожим образом добровольцы вели себя и в Ростове (РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 170, л. 7).

⁶² Поляков И.А. Указ. соч. С. 263.

⁶³ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. С. 205.

же получали эти боеприпасы от немцев, отплачивая их поставками шерсти и хлеба⁶⁴. Как отмечал интендант Добровольческой армии Н.Н. Богданов, «получение снарядов от атамана Краснова, который, в свою очередь, их получал от немцев, имело всю видимость снабжения Добровольческой армии немцами и так всеми и понималось»⁶⁵. По признанию Н.Н. Головина, «немецкое снабжение Добровольческой армии оружием и боевыми припасами было закамуфлировано, но тем не менее оно существовало»⁶⁶. Наслушавшись про неизменную верность добровольцев союзническим обязательствам, Краснов однажды воскликнул: «Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!»⁶⁷. Эта острота Петра Николаевича пользовалась широкой популярностью среди казаков⁶⁸.

Вместе с тем сам факт такой помощи ставил под сомнение претензии добровольцев на лидерство в Белом движении. «Непосредственные сношения атамана Краснова с немцами, дававшие ему возможность легко получать всё необходимое, и собственные богатые ресурсы Дона давали атаману Краснову положение превосходства, которое сразу стало чувствоваться в отношении учреждений Всевеликого Войска Донского к Добровольческой армии, – вспоминал Богданов. – Мы были на положении бедных родственников и жили на задворках»⁶⁹. Интендант предлагал Алексееву как можно скорее либо начать переговоры с немецким командованием о совместных действиях против большевиков, либо уйти с Дона. «При соглашении с немцами, – отвечал Алексеев, – мы могли бы быстро и значительно продвинуться вперёд, но это невозможно “психологически”: наше офицерство воспитано в ненависти к немцам»⁷⁰. Так или иначе, немецкие снаряды были для Добровольческой армии как нельзя более кстати, и она не стеснялась их принимать даже из рук врага⁷¹. При этом, конечно, поставки оружия и другая помощь Краснова Деникину объяснялись прежде всего пониманием того, что поодиночке оба они будут разбиты большевиками. Рознь же между белыми генералами вносила, по словам Антона Ивановича, «элемент пошлости и авантюризма в общий ход кровавой и страшной борьбы за спасение России», «отражаясь роковым образом на её исходе»⁷².

Независимая позиция Краснова была обусловлена целой совокупностью факторов: сотрудничеством с германскими оккупационными войсками, слабостью Добровольческой армии и, вероятно, личными амбициями⁷³. Однако ему так и не удалось убедить донцов, освобождённых от власти большевиков, в необходимости освобождения от них всей России. Его призыв начать с Дона возрождение «Единой и Неделимой» не был поддержан казачеством. Да и в са-

⁶⁴ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 418, л. 2.

⁶⁵ Там же, д. 255, л. 163.

⁶⁶ НИА. Golovin collection. Box 2. Р. 107.

⁶⁷ Краснов П.Н. Всевеликое Войско Донское. С. 207.

⁶⁸ Чеботарёв Г. Правда о России. Мемуары профессора Принстонского университета, в прошлом казачьего офицера. 1917–1959. М., 2007. С. 279.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 255, л. 163–164.

⁷⁰ Там же, л. 164–165.

⁷¹ Поляков И.А. Указ. соч. С. 202.

⁷² Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 521.

⁷³ Лобанов В.Б. Власть, общество и оппозиция на Юге России... С. 183.

мой Области Войска Донского атаману приходилось бороться с политической оппозицией своему курсу, используя разного рода «подпорки». Одной из них стал проект Юго-Восточного Союза.

1 июля 1918 г. Краснов и атаман Астраханского войска Д.Д. Тундуртов подписали в Новочеркасске соглашение, обязывавшее их принять все необходимые меры для образования так называемого Юго-Восточного Союза (Южного Кавказского государства). В его состав должны были войти территории Донского, Кубанского, Терского и Астраханского казачества, а также Дагестан, Ставропольская губ., часть Воронежской губ., включая Воронеж, и часть Саратовской губ. с Царицыным⁷⁴. Юго-Восточный Союз задумывался как независимое государство, имеющее свои армию и флот и претендующее на международное признание. По отношению к воюющим державам Союз формально должен был придерживаться строгого нейтралитета, ограничившись военными действиями против большевиков⁷⁵, однако на деле он неизбежно попал бы под контроль Германии. Соответственно, по справедливому замечанию современного историка, возникала «серьёзная опасность разоружения и ликвидации Добрармии, как военной организации, открыто заявлявшей о верности Антанте»⁷⁶. Неудивительно, что Деникин с самого начала категорически возражал против данной затеи. «Создание “суверенного государства” в корне противоречило Единой России..., – писал он позднее. – Создание вооружённых сил “Союза”, имеющих задачей “борьбу с большевицкими войсками” *лишь* “на его территории”, лишало всякого смысла жертвы добровольцев, приносимые во имя спасения России»⁷⁷. В результате кубанцы не решились подписать декларацию, и её дальнейшее обсуждение было свёрнуто.

В этой обстановке 15 августа 1918 г. началась работа Донского круга, которому следовало «указать общее направление политики для старшего и наиболее сильного численно казачьего войска, дававшего тон другим»⁷⁸. Его председателем был избран Василий Акимович Харламов, возглавлявший оппозицию Краснову на Дону и выступавший за сближение казаков с Добровольческой армией⁷⁹. Самый факт избрания Харламова, по словам Деникина, указывал на то, что «доверие к атаману не безусловно»⁸⁰. Для наблюдения за донскими перипетиями Алексеев и Деникин командировали в Новочеркасск генерал-лейтенанта А.С. Лукомского. Впоследствии Антон Иванович утверждал, что добровольческое командование «активного участия в борьбе донцов за атаманский пернач не принимало»⁸¹. Однако он дал Лукомскому подробнейшие инструкции о том, как ему надлежит действовать на Дону. «Генерал Алексеев получил сегодня телеграмму от председателя Круга Харламова с выражением чувств, одушевляющих Круг в отношении Добровольческой армии, – писал главнокомандующий 20 августа. – Между тем отношение к армии атамана было всегда совершенно отрицательным. Между прочим, в своей программной речи он счёл возможным принятие немецкой ориентации оправдывать нежеланием

⁷⁴ ГА РФ, ф. Р-102, оп. 1, д. 18, л. 1.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Цветков В.Ж. Белое дело в России... С. 229–230.

⁷⁷ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 682. Курсивом выделены слова, напечатанные А.И. Деникиным с разрядкой.

⁷⁸ Там же. С. 686.

⁷⁹ ГА РФ, ф. Р-102, оп. 1, д. 20, л. 10.

⁸⁰ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 3. С. 686.

⁸¹ Там же.

моим идти на Царицын, хотя соглашение с немцами последовало ранее 15 мая (совещания в Манычской). Точно так же звучит оскорбительно фраза его: “Частное предприятие”. Так названо освобождение Добровольческой армией трёх русских областей и Задонья. Нахожу чрезвычайно желательным, чтобы Вы нашли способ через членов Круга поднять вопрос о точном определении Кругом отношений атамана к Добровольческой армии, которых он обязан был бы держаться в будущем»⁸². 22 августа Деникин направил Лукомскому ещё более точные указания: «В вопросе о конструкции власти на Дону при тех исключительных условиях, в каких находится ныне область, Вам надлежит держаться следующих положений: 1. Единоличная твёрдая власть, не связанная никакими коллегиями, необходима. 2. Круг должен обязать будущего атамана к прямому, честному и вполне доброжелательному отношению к Добровольческой армии. 3. Раскол среди политических партий на Дону, новые потрясения, подрыв и умаление атаманской власти совершенно недопустимы. Поэтому, если оппозиция не имеет прочной почвы под ногами и сильных кандидатов и считает нужным поддержать кандидатуру ген. Краснова, возражений со стороны командования Добровольческой армии не будет, при соблюдении пункта 2-го. 4. Так как личная политика г. Краснова совершенно не соответствует позиции, занятой Добровольческой армией, то *активной поддержки* (например, публичное выступление с соответствующей речью, официозный разговор и т.п.) оказывать отнюдь не следует. Изложенное в п. 3-м надлежит сообщить доверительно отдельным видным представителям оппозиции». В последнем («5») пункте особо отмечалось, что «Выделение отдельных частей Добровольческой армии на Царицынский фронт пользы не принесёт, а среди разнородных элементов донских ополчений, астраханской организации могло бы вызвать чреватые последствиями трения», к тому же «на Дону остались неиспользованные части новой Донской армии; длительность их подготовки значительно больше, чем мобилизованных Добровольческой армией». «Во всяком случае, – заверял главнокомандующий, – Добровольческая армия, как только справится со своей задачей на Кубани, будет двинута безотлагательно на Царицын и поможет в полной мере Дону. При этом обязательно подчинение действующих на этом фронте донских частей командованию Добровольческой армии. Незаконченность работы здесь подорвала бы в корне моральное значение Добровольческой армии и привело бы опять к “сходному положению”, т.е. окружению всех границ Дона большевиками»⁸³.

В приветственной речи, произнесённой на Круге, Лукомский ни слова не сказал о противоречиях, существовавших в Белом движении. Напротив, его речь была очень тёплой и дружественной: «Генералы Алексеев и Деникин от имени Добровольческой армии поручили мне приветствовать Вас, представителей Всевеликого Войска Донского, и выразить глубокую уверенность армии в том, что слухи о каких-то антирусских и сепаратных стремлениях отдельных лиц и групп на Дону являются злобной клеветой. Добровольческая армия уверена, что славные донцы, потомки могучих и славных витязей и защитников Руси, и в настоящий исторический момент сумеют разобраться, где правда и где неправда, поймут свою государственную задачу и, наряду с внутренней работой по устройству Всевеликого Войска Донского, все, как один, пойдут по пути воссоздания единой Великой России и, объединяясь с Добровольче-

⁸² ГА РФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 7, л. 1.

⁸³ Там же, л. 2–3. Курсивом выделены слова, напечатанные А.И. Деникиным с разрядкой.

ской армией и славным кубанским войском, положат начало Русской могучей армии»⁸⁴.

«В августе 1918 г., – вспоминал Лукомский в 1937 г., – я был командирован генералом Деникиным из Екатеринодара, перед тем занятого Добровольческой армией, в Новочеркасск, чтобы присутствовать там при работах Круга, собранного донским атаманом генералом Красновым. Отношения между командующим Добровольческой армией, генералом Деникиным, и донским атаманом, генералом Красновым, складывались не хорошо. Было и взаимное недоверие, и чувствованное генералом Деникиным недоброжелательство со стороны генерала Краснова. Генерал Алексеев и генерал Деникин считали необходимым установить на всём Юго-Востоке России, как непрременный залог успеха, *единое командование и единый тыл*. Между тем получалось вполне определённое впечатление, что генерал Краснов в подчинение генералу Деникину идти не хочет, что *он настаивает на полной самостоятельности Всевеликого Войска Донского, полной самостоятельности Донской армии и полной вследствие этого самостоятельности атамана Войска Донского, который зависит только от Донского круга*»⁸⁵.

По словам Лукомского, «К позиции, занимаемой генералом Красновым, как атаманом Войска Донского, внимательно присматривались различные кубанские деятели, и было несомненно, что если Дон отстоит свою независимость, *создав лишь союзнические отношения с Добровольческой армией*, то по его пути немедленно пойдёт Кубань, а впоследствии и Терек». Между тем «Добровольческая же армия, во всяком случае до занятия значительной территории России вне казачьих войск, оставаясь без своей территории и без тыла – превращалась бы в совершенно ничтожную величину, попадая в полную зависимость от казачьих атаманов и их правительств во всех отношениях (укомплектование, все виды снаряжения, финансовая часть)». «При этих условиях, – отмечал Александр Сергеевич, – конечно, уже не могло бы быть и речи, чтобы генералы Алексеев и Деникин стояли бы во главе движения по освобождению России от большевиков... Отсюда понятна и вся последующая борьба *как бы за власть* между командованием Добровольческой армии и казачьими войсками». Как полагал Лукомский, «важно было в этот первоначальный период (осень 1918-го года) *установить правильные и нормальные отношения с Доном*», поскольку «от этого зависело всё последующее». По его свидетельству, «генералы Алексеев и Деникин особенно рассчитывали на разумное посредничество выбранного председателем Донского круга Харламова»: «Казалось, что авторитет Харламова на Дону очень велик и что он совсем не заражён какими-либо “сепаратическими” стремлениями и повышенной местной амбицией”. Представлялось, что Харламов действительно государственный человек и сумеет помочь благоприятному разрешению вопроса о взаимных отношениях с точки зрения государства (Российского), а не местной – Донской. Я командировался в Новочеркасск, как представитель генералов Алексеева и Деникина, чтобы приветствовать от их имени (и имени Добровольческой армии) Донской круг. И, кроме того, для того чтобы, путём отдельных бесед с Харламовым и другими донскими деятелями, способствовать правильной установке отношений между

⁸⁴ Там же, л. 5.

⁸⁵ ГА РФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 7, л. 76–80. В сохранившейся рукописи «Моя переписка с Деникиным» А.С. Лукомский существенно уточняет свои мемуары, опубликованные в 1922 г. в Берлине. Курсивом выделены слова, напечатанные Лукомским с разрядкой.

Добровольческой армией и Доном. По приезде в Новочеркасск я получил от генерала Деникина письма № 1 и № 2 (от 20 и 22 августа 1918 г.) – в дополнение к данной мне устно инструкции... Ни моя речь, ни разговоры с Харламовым, генералом Богаевским, генералом Красновым и др. – не достигли цели, которую преследовали генерал Алексеев и генерал Деникин. К сожалению, наладить хорошие и разумные отношения не удалось»⁸⁶.

Круг и в этот раз выразил Краснову доверие, вновь избрав его атаманом и произведя в генералы от кавалерии. В наибольшей степени на благоприятный для Краснова исход выборов повлияли проведённый по его приказу парад «Молодой армии» и письмо германского представителя на Дону майора фон Кокенхаузена, в котором говорилось о поддержке Петра Николаевича немецким командованием⁸⁷. После этого результат голосования был предreshён⁸⁸. Деникин, вероятно, был им разочарован, но для его армии, неразрывно связанной с казачьими областями, в которых она, собственно, и возникла, и не имевшей даже собственной базы, в ту пору куда важнее был продолжавшийся Второй Кубанский поход. Вести борьбу не только на кубанском, но и на «донском» фронте добровольческое командование не имело возможности.

Однако к концу 1918 г. положение существенно изменилось: Добровольческая армия отвоевала у большевиков Северный Кавказ, а поражение центральных держав в мировой войне выбило почву из-под ног донского атамана и сделало его соглашение с добровольцами неотвратимым, поскольку союзники выражали готовность снабжать антибольшевистские силы (и в том числе Дон) боеприпасами и оказывать им помощь лишь при условии их объединения под командованием Деникина⁸⁹. Краснову, скомпрометированному связями с немцами, союзники доверять не могли⁹⁰. На Ясском совещании в ноябре 1918 г. их представители высказали пожелание поставить во главе донского казачества лояльного Деникину и Антанте генерал-лейтенанта Африкана Петровича Богаевского⁹¹, не скрывавшего, что он «сначала русский, а потом казак»⁹².

Отставка Краснова была неизбежна. По-видимому, решающее значение имела его встреча с главой английской миссии генералом Ф.К. Пулем, состоявшаяся 12 декабря на станции Кущёвка в присутствии генералов Драгомирова, представлявшего Добровольческую армию, Денисова и Полякова. По выражению С.В. Карпенко, «Пул быстро помог Деникину... в подчинении Донской армии»⁹³. В ходе беседы, продолжавшейся около четырёх часов, её участниками, как сообщала донская газета, было достигнуто «полное соглашение». На устроенном после неё завтраке Пуль воздал должное заслугам Краснова:

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Уже в эмиграции фон Кокенхаузен с большим уважением отзывался о Краснове, «с глубоким сочувствием и привязанностью» вспоминая казаков и их борьбу с большевиками. См.: *Кокенхаузен, фон*. Германское приветствие казакам // Казачий сборник. Берлин, 1922. № 2. С. 7–8.

⁸⁸ *Федюк В.П.* Белые: антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М., 1996. С. 56–57.

⁸⁹ *Каклюгин К.* Указ. соч. С. 134.

⁹⁰ *Ипполитов Г.М.* Кто Вы, генерал А.И. Деникин? Монографическое исследование политической, военной и общественной деятельности А.И. Деникина в 1890–1947 гг. Самара, 1999. С. 48.

⁹¹ ГА РФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 28, л. 175.

⁹² РГВА, ф. 40307, оп. 1, д. 170, л. 10.

⁹³ *Карпенко С.В.* Указ. соч. С. 191.

«Все эти удачные бои, организации и тот блестящий порядок, который царит сейчас на Дону, я приписываю исключительно Вам, Ваше высокопревосходительство, история оценит Вас и отведёт Вам почётное место на своих страницах за то, что Вы один из первых повели упорную борьбу с большевиками, за то, что Вы создали порядок, дали людям возможность жить и открыли широкие пути для создания Великой Единой России». Краснов и Драгомиров в ответной речи обменялись любезностями, выразив уверенность в том, что победа над большевиками не за горами⁹⁴.

26 декабря 1918 г. на станции Торговая Деникин и Краснов подписали соглашение об объединении своих армий⁹⁵. Возникли Вооружённые силы на Юге России, главнокомандующим которых стал генерал-лейтенант А.И. Деникин. Любопытно, что встреча Краснова и Деникина проходила на границе Дона и Кубани, в соответствии с принятой международной традицией⁹⁶. Боровшийся до последнего дня за престиж своей и донской власти атаман приказал расположить свой поезд так, чтобы граница проходила по середине его вагона. Этим он желал показать, что не едет на поклон к Деникину, а встречает его на границе своих владений. Таким же образом расположился и деникинский вагон⁹⁷. Совещание, на которое поезд Деникина опоздал на полчаса, проходило в крайне нервной обстановке. Антон Иванович дважды его прекращал, но затем возобновлял по просьбе Петра Николаевича⁹⁸. Яркие воспоминания об этом совещании оставил представитель Добровольческой армии генерал-майор В.А. Энгельке: «Генерал Деникин, по-моему, и до него, и во время его сильно волновался и нервничал. Генерал Краснов, наоборот, был очень спокоен, или если и волновался, то искусно это скрывал; говорил выдержанно, но с оттенком присущей ему иронии, как бы несколько снисходительно. Отвратительное впечатление производили командующий Донской армией ген. Денисов и его начальник штаба генерал Поляков, особенно первый. Они сидели по сторонам генерала Краснова и буквально как две шавки всё время ему что-то подсказывали. Без них генерал Краснов был бы и величественнее, и, вероятно, шире в своих доводах. Они ему мешали, и, главное, Денисов, в пылу своей озлобленности (для него подчинение был острый нож) говоривший вещи в военном отношении совершенно безграмотные... В общем, конечно, на совещании силы были неравные. С нашей стороны генералы Щербачёв, Драгомиров, Романовский. Генералу Краснову, таким образом, приходилось выдерживать бой одному, да ещё на довольно шатких позициях, отступление с которых под давлением англичан было заранее предreshено. Он лично это делал с большим достоинством, и я, откровенно говоря, всё время им любовался. Генерал Деникин, как я уже сказал, излишне нервничал, генерал Драгомиров по обыкновению говорил резко. Так или иначе, вопрос о подчинении, правда, в каких-то очень туманных определениях этого, был решён, и совещание кончилось»⁹⁹.

⁹⁴ Встреча донского атамана с генералом Пуль // Часовой. Новочеркасск. 1918. 16 декабря.

⁹⁵ Интересы Добровольческой армии представляли А.И. Деникин, А.М. Драгомиров, И.П. Романовский, Д.Г. Щербачёв, В.А. Энгельке, а Донской армии – П.Н. Краснов, С.В. Денисов, И.А. Поляков и А.А. Смагин (РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 29, л. 108–109). Во встрече также участвовали английский генерал Пуль и французский капитан Фуке.

⁹⁶ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. Из воспоминаний. София, 1921. С. 66.

⁹⁷ Калинин И. Указ. соч. С. 102.

⁹⁸ Ипполитов Г.М. Указ. соч. С. 49.

⁹⁹ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 762, л. 62–64; Чеботарёв Г. Указ. соч. С. 284–285.

Краснов вскоре оставил свой пост¹⁰⁰. Новым донским атаманом 6 февраля 1919 г. был выбран Богаевский, исключительно храбрый офицер, но скромный и простой в обращении человек не слишком сильного характера, прозванный даже в этой связи казачьим генералом В.И. Сидориным «божьей коровкой»¹⁰¹. Теперь, когда Дон был подчинён власти Деникина, фигура Богаевского как нельзя лучше подходила для проведения Екатеринодаром своей политики¹⁰².

Весной 1919 г. в результате восстания в верхнедонских округах казаки прогнали красный фронт, и летом вся Область Войска Донского была очищена от большевиков. Имена многих донских генералов были тогда на слуху. Достаточно вспомнить рейд 4 Донского корпуса под командованием генерал-лейтенанта К.К. Мамантова по красным тылам в августе–сентябре 1919 г. При этом донцы оставались наиболее лояльны к верховному белому командованию из всех казачьих войск юга России¹⁰³. Может быть, из-за этого во главе Южнорусского правительства, созданного в конце 1919 г. для сплочения антибольшевистских сил вместо Особого совещания, был поставлен именно представитель Дона – Н.М. Мельников. Рубеж 1919–1920 гг. стал, как известно, поворотным моментом в противостоянии на юге России. Полный разгром белых частей завершился в марте 1920 г. панической новороссийской эвакуацией. Немногим из них удалось эвакуироваться в Крым, другие ушли черноморским побережьем к грузинской границе и позже присоединились к войскам барона П.Н. Врангеля, а большая часть сдалась большевикам и отправилась на польский фронт, где, в свою очередь, некоторые перешли на сторону поляков. Разгром белого десанта из Крыма на Дон в июле 1920 г. ознаменовал окончание широкомасштабной Гражданской войны в регионе.

¹⁰⁰ Недолголюбивавший Деникина генерал Денисов позднее намекал на то, что причиной отставки Петра Николаевича стали «интриги» и «каверзы» его политических врагов: *Денисов С.В.* Краткие сведения о жизни и деятельности б. Атамана Всевеликого Войска Донского Генерала от Кавалерии Петра Николаевича Краснова // *Казачий сборник*. Берлин, 1922. № 2. С. 50.

¹⁰¹ См. отзыв о нём в записках полковника И.Ф. Патронова (ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 556, л. 105). Также см.: *Добрынин В.* Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920. Прага, 1921. С. 69; *Уильямсон Х.* Прощание с Доном: Гражданская война в дневниках британского офицера. 1919–1920. М., 2007. С. 53; *Калинин И.* Указ. соч. С. 107.

¹⁰² *Поляков И.А.* Указ. соч. С. 386.

¹⁰³ См. также: *Пученков А.С.* Деникин и Кубань в 1919 году: два эпизода отношений // *Русский сборник: Исследования по истории России*. Т. XII. М., 2012. С. 385–406.